

УДК 141.33

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ РЕНЕССАНС
ДЕКАДЕНТСКИХ ТЕЧЕНИЙ

А. А. Битюцкая

Воронежский государственный университет

Поступила 15 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье рассмотрены декадентские течения Серебряного века, повлиявшие на развитие русской философии XX в. В ходе исследования выявлено следующее. Во-первых, теософские идеи откроют новый вектор «богоискательства» для русской философии. Во-вторых, воззрения А. Н. Белого зададут основу символическому мифотворчеству и эстетике Серебряного века. В-третьих, проект Д. Андреева «Роза Мира» станет самобытным вариантом развития философии XX в.

Ключевые слова: творчество, Серебряный век, теософия, антропософия, «Роза Мира».

Abstract: the article considers the decadent trends of the Silver age that influenced the development of Russian philosophy in the 20th century. The study reveals the following. First, theosophical ideas will open a new vector of «God-seeking» for Russian philosophy. Secondly, the views of A. N. Bely will set the basis for symbolic myth-making and aesthetics of the Silver age. Third, D. Andreev's project «Rose of the World» will become an original version of the development of the 20th century philosophy.

Key words: creativity, Silver age, theosophy, anthroposophy, «Rose of the World».

Начало XX в. ознаменовано красочным расцветом спекулятивных и околону научных течений. Просвещенная интеллигенция стремилась быть участником какого-нибудь философско-литературного кружка. Своим величием поражает знаменитая «башня» Вячеслава Иванова, где собирались лучшие представители 10-х гг. XX в. Декадентские течения предлагают альтернативный вариант развития религии и философии. Первой крупной жемчужиной Серебряного века становится теософия.

Свои зачины русская теософия получит из зарубежного горизонта: будут широко использоваться труды мистиков Майстера Экхарта, Якоба Бёме и воззрения немецкого философа Фридриха Шеллинга. Апологетом модного учения станет чета Рерихов, сделавших его самым элитным декадентским клубом «Fin de siècle».

Предвозвестником полноценной теософии, безусловно, будет «свободная теософия» Владимира Соловьёва. Но у Рерихов она потеряет свои троические корни познания мира. Здесь отсутствует научный потенциал и ссылка на божественный абсолюте, семейство делает акцент на восточную эзотерику и спекулятивную редукцию православия. Сознанию

российской империи требовался всплеск «la création de la liberté», презентующий таинственный творческий порыв. «Творение свободь» помогает человеку достигнуть единения с божеством через акт мистического познания абсолюта.

Рерихи аддитировали фундамент теософской триады витально – творческой этикой. Творчество представлено как экстерьерная и интерьерная линия историографического познания. Творческие изыскания перерастают в особую символику, спекулятивное учение о поиске Шамбалы: «...Мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем, что эта заповедная область реальна. Но мы знаем и о реальности земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы отправлялись в Шамбалу и на своем пути видели обычные физические объекты. <...> Более того, мы сами видели белый пограничный столб одной из трех границ Шамбалы. Потому расскажи мне не только о небесной Шамбале, но и о Шамбале земной...». [1, с. 221].

Продолжит «манifestацию творчества» антропософия, которая станет второй жемчужиной русского декадентства. В России проповедовать данное течение будет писатель Андрей Николаевич Белый. Он сделает интерпретацию альманского учения Рудольфа Штейнера, который утверждал, что «Небесная Богиня» – это София, духовная наука без религиозного самоосуществления. Для немецкого исследователя антропософия приобретала эволюционный характер, который напоминал идеалистический атеизм.

А. Н. Белый отбросит отрицание религиозного начала и начнет провозглашать духовную науку вместе с православием, творческой активностью и чертами всеединства (Штейнер выбросил термин «всеединства», считая его не нужным для европейского позитивистского человека). Мыслитель абсорбирует «Небесную Богиню» с восточными мотивами теософии и получит уникальную парадигму.

В ранних работах мыслителя можно встретить антропософскую триаду, состоящую из немецкой мистики, софиологического культа красоты и православных канонов. Коррелируя три пункта, получаются особые антропософские «вехи», которые могут стать анализом жизни человека.

С философской стороны антропософия раскроется в романе А. Н. Белого «Петербург», ставшем одним из самых модернистских трудов Серебряного века: «...Андрей Белый вознесен до небес небывалым успехом своего романа, в котором он нарисовал гениальный портрет Санкт-Петербурга» [2, с. 115]. Северная Пальмира становится преемником гармонии европейского и русского знания. Окружающий мир будет отождествляться с Ариманом – эрзацем «бездны плоти» Д. С. Мережковского, беспросветным обыденным бытием. Режиссерами жизни в Петербурге будут божественный абсолют и духовная наука. Они управляют особым «demi-monde», который должен выйти к новому религиозному и культурному сознанию, обретя свою целостность. Представителем полумира был человек созидающий, в нем зиждилось начало грядущих в обществе перемен. «Культь обожения» всего прекрасного (особенно надоевший образ

блоковской Незнакомки) получит твердый реприманд от жителей Петроградской стороны. Весь роман пронизан религиозной составляющей «собственной религии» в ансамбле с ортодоксальными заветами.

Антропософия А. Н. Белого насыщена альманским символизмом и невероятной цветописью, которая ложится в основу знакового творческого познания. Ключевым символом в романе была красная маска смерти, противопоставленная духовной науке:

...Чей-то голос раздается:
«Вам погибнуть суждено», –
И уж в дальних залах вьется, –
Вьется в вальсе домино

С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостя: гостя – смерть.
Пригрозит и лягнет злостью
Там косы сухая жердь. [3, с. 117]

Удивительно, что выбранная кулёрность станет предвестником русской революции. Красный цвет отвечал за эру сверхчеловека и грядущий октябрьский переворот, а зеленый (болотный) оттенок будет призмой затлевающей европейской цивилизации. А. Н. Белый становится первым в Серебряном веке, кто предварил «красного революционера» и бунт социалистической революции в истории Российской империи.

Провиденциализм станет важной частью духовной науки. В русской философии Серебряного века всегда сохранялся флёр божественного провидения. Еще до романа «Петербург», в котором мистические толкования достигнут апогея, в религиозно-философских собраниях существовало подобное воззрение: «...В газете “Речь” был напечатан фельетон Мережковского под заглавием “Петербургу быть пусто”, где он воспроизводил легенду, относящуюся ко времени постройки Петром города, когда некий юродивый бродил и “пророчествовал”: “Петербургу быть пусто... Петербургу быть пусто...”» [2, с. 109]. Участники собраний усматривали скорое бедствие из-за языческих знаков и «Петербургской Венеры». Они верили, что целое русское государство станет оплотом нового мира, а не единичный город.

Но у А. Н. Белого северная столица не была пропащим местом, город был частичкой Эдема, который вскоре воспрянет духом и станет столицей мира. Возможно, мыслитель видел в Санкт-Петербурге вселенский дом Небесной Богини. Носителями грядущего царства были, как ни странно, не представители интеллигенции, а маргинальные личности, ценившие метафизические изыскания: «Буржуазия, чувствуя свой конец, ухватилась за мистику!» [4, с. 102]. Именно за нарочитое «обращение к народу» богема обвиняла учение философа в сектантстве и отказывалась признавать антропософию еще одним способом поиска «собственной религии».

Обществу Серебряного века срочно требовались новый архетип, новая сублимация. Белый предлагает свой вариант: творческий культурный

аттитюд, созданный жителями северной столицы. Проблески такого поведения встречались в ранних работах мыслителя (повесть «Серебряный голубь»), в которых больше преобладали черты упадничества. Сейчас же всё обусловлено эволюционным порядком. Но такой проект потерпел крах в русской действительности из-за бурных исторических событий.

К сожалению, русская антропософия станет утопией. Она так и не получит должного развития в России. Духовная наука будет ценна лишь для молодого Бердяева, который был влюблен в роман «Петербург»: «... Андрей Белый, индивидуальность необыкновенно яркая, оригинальная и творческая, сам говорил про себя, что у него нет личности, нет “я”. <...> Андрей Белый, человек больших дарований. Временами в нем чувствовались проблески гениальности. У этой очень яркой индивидуальности твердое ядро личности было утеряно, происходила диссоциация личности в самом его художественном творчестве» [5, с. 228]. В отечественной литературе антропософские черты сохранил чета Волошиных, знакомая с А. Н. Белым еще во время учебы у Рудольфа Штейнера.

Еще одним декадентским учением можно назвать «Розу Мира», созданную Даниилом Андреевым через несколько десятилетий после Серебряного века. Неслучайно данная парадигма появилась в середине XX в., в период дебюта стагнации советской власти. Русскому народу снова требовался импульс «богоискательства» и выхода из культурного кризиса. «Роза Мира» становится садом творчества и любви. Это не имеющий аналогов в мире метафизический проект, фантастически меняющийся мироустройство. Смело можно назвать андреевскую Розу преемницей сентенций Belle Époque: в ее лепестках можно найти и символизм, и теософию, и вездесущую софиологию, и четкое богостроительство, и, конечно же, мистицизм.

«Роза Мира» – лига светлого коммунизма. «Это не есть замкнутая религиозная конфессия, истинная или ложная. Это не есть и международное религиозное общество вроде теософического, антропософского или масонского, составленного, наподобие букета, из отдельных цветов религиозных истин, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах. Это есть интеррелигия или панрелигия» [6, с. 23]. Стрежень Розы – богочеловечество, обрамленное лепестками творчества. Главная задача заключается в воспитании облагороженного человека с помощью этики ненасилия и участия в соборности. По версии автора, «розовое цветение» должно породить абсолютный гуманизм и новое русское Возрождение. «Но рубеж XX в. как раз и явился той эпохой, когда закончился расцвет великих литератур и искусств, великой музыки и философии. <...> Однако же соцветие религий не только не погибло, несмотря на все средства, ради этого мобилизованные, но именно под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религиозность вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком – Розою Мира» [там же, с. 18].

Поддавшись влиянию модного постпозитивизма, Андреев создает в бутоне Розы творческий анархизм, словно списывая его у Фейерабенда.

Это нарративный сублимирующий процесс: каждый будет творить всегда и везде. Это также особая форма богосотворчества, приближающая человека к монаде единого абсолюта. Тем самым индивид будет возвышаться над собой и возвышать ближних.

Второй задачей Розы была надрелигиозность (у Андреева была мечта, чтобы Роза, слово соловьевская София, покрывала своими лепестками весь мир). Для поддержания надрелигиозного порядка требовалась уния православных церквей: «...В этом воссоединении христианских конфессий и в дальнейшей унии всех религий Света ради общего сосредоточения всех сил на совершенствовании человечества и на одухотворении природы Роза Мира видит свою надрелигиозность и интеррелигиозность. Религиозная исключительность ее последователям не только чужда – она для них невозможна. Со-верчеству со всеми народами в их наивысших идеалах – вот чему учит ее мудрость» [там же, с. 71]. Получается вселенский мультикультурализм, который предваряет вечную жизнь.

Третья задача – изучение религиозного метаисторического процесса, который впервые был обнаружен Сергеем Булгаковым. Андреев проводил демаркационную линию между философией истории и метаисторией, утверждая, что первая – это именно философия, а вторая – особый миф, требующий пристального внимания и изучения. Исследование предполагалось, безусловно, в религиозном смысле и имело три стадии: безволевого акта, вживания, метаисторического осмысления. Эти этапы трудно представить в реальности, поэтому философ приводит собственный пример: «...Первое событие этого рода, сыгравшее в развитии моего внутреннего мира огромную, во многом даже определяющую роль, произошло в августе 1921 г., когда мне еще не исполнилось пятнадцати лет. <...> Событие, о котором я заговорил, открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывавший историческую действительность России в странном единстве с чем-то неизмеримо большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания. Разум очень долго не мог справиться с ними, пробуя создавать новые и новые конструкции, которые должны были сгармонизировать противоречивость этих идей и истолковать эти образы. Процесс слишком быстро вступил в стадию осмысления, почти миновав промежуточную стадию созерцания. Конструкции оказались ошибочными, разум не мог стать ровень со вторгавшимися в него идеями, и потребовалось свыше трех десятилетий, насыщенных дополняющим и углубляющим опытом, чтобы пучина приоткрывшегося в ранней юности была правильно понята и объяснена» [там же, с. 81].

«Роза Мира» становится последним крупным декадентским учением в русской философской мысли. Именно на учении Даниила Андреева можно ставить логическую точку в развитии русского возрождения. «Роза Мира» становится квинтэссенцией всей русской философии, в каждом лепестке которой можно найти разные воззрения.

Таким образом, многоликость неофициальных течений открывает в период Серебряного века синтетическое искусство: томления на башне Иванова не прошли бесследно. Декадентство стало при советской власти лучшей частью эмиграции и мощным культурным импульсом. Несмотря на обвинения в мистицизме, эвдемонизме и глобальном эзотеризме, воззрения упаднических мыслителей воплотили фантастическую преемственность как на родине, так и на западе.

Литература

1. Рерих Н. Шамбала / Н. Рерих. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – 288 с.
2. Ивнев Р. Серебряный век : невыдуманные истории / Р. Ивнев. – М. : Э, 2017. – 320 с.
3. Белый А. Вечный зов : [стихотворения] / А. Белый. – М. : НексМедиа : Комсомольская правда, 2012. – 239 с. : ил. – (Великие поэты).
4. Белый А. Петербург : роман / А. Белый. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.
5. Бердяев Н. Самопознание : опыт философской автобиографии / Н. Бердяев. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
6. Андреев Д. Роза Мира / Д. Андреев. – М. : Эксмо, 2014. – 800 с.

Воронежский государственный университет

Битюцкая А. А., магистрант факультета философии и психологии

E-mail: alla-bituzk@mail.ru

Voronezh State University

Bityutskaya A. A., Master's Degree Student of the Philosophy and Psychology Faculty

E-mail: alla-bituzk@mail.ru